

Константин Пятс и внешняя политика Эстонии в межвоенный период*

А. И. Рупасов

Санкт-Петербургский институт истории РАН,
Российская Федерация, 197110, Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., 7;
Финляндское историческое общество,
Финляндия, 00170, Хельсинки, Тьетейден тало, Кирккоату, 6

Для цитирования: Рупасов А. И. Константин Пятс и внешняя политика Эстонии в межвоенный период // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2020. Т. 13. Вып. 4. С. 540–546. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2020.409>

Празднование в 2018 г. столетия независимости Эстонии не могло не повлечь половодья публикаций, среди которых, что было вполне закономерно, особое место заняли биографии политических и государственных деятелей, сыгравших в ее истории особую роль. Не был обойден вниманием по праву считающийся одним из отцов-основателей независимой Эстонии Константин Пятс, неоднократно, еще до совершенного им в феврале 1934 г. переворота, становившийся главой государства (государственным старейшиной). Основные вехи его биографии хорошо известны, как и проводимая им внутренняя политика. Несколько иначе обстоит дело, если коснуться такой темы, как взгляды К. Пятса на международные отношения и внешнюю политику Эстонии. Существующая эстонская историография не позволяет составить более или менее целостного о них представления. Это продемонстрировала и почти девятистраничная биография К. Пятса, вышедшая из-под пера одного из лучших специалистов по истории Эстонии в межвоенный период Аго Паюра¹.

Интересная работа Паюра оставляет несколько странное впечатление в силу того, что даже при описании периода авторитарного правления Пятса последний оказывается отодвинутым на второй план, едва ли не исчезая со страниц книги. Безусловно, следует учитывать официальный характер опубликованной биографии, но предстающая перед читателем довольно блеклая фигура одного из виднейших и исключительно активных политических деятелей Эстонии волей-неволей вызывает удивление, особенно когда речь идет о международных делах. Пятс, действительно, обычно гораздо больше интересовался внутренними проблемами, чем международными (а среди последних — в основном внешней торговлей Эстонии). Однако не слишком ли категорично утверждает Паюр, описывая события драма-

* Рец. на книгу: Pajur, A. (2018), *Konstantin Päts. Poliitiline biograafia. II osa: riigimees (1917–1956)*. Tartu: Rahvusarhiiv. 878 L.

¹ Рецензируемая монография представляет собой второй том биографии К. Пятса. Автором первого тома, в котором рассматривался дореволюционный (1874–1916) период жизни этого эстонского политика, был Тоомас Карьяхярм.

тичного 1939 г. и довольствуясь констатацией того факта, что глава государства был обеспокоен возможной войной и читал допоздна материалы МИД и немецко-язычную прессу Швейцарии и Венгрии: «...неизвестно, к каким выводам приходил Пятс и насколько адекватными были его оценки» (с. 654)? Паюр не касается темы упорно ходивших в дипломатическом корпусе и в эстонских политических кругах слухов, что между Пятсом и генералом Й. Лайдонером была достигнута негласная договоренность: Лайдонер не вмешивается во внутривнутриполитические дела, но получает на откуп руководство внешней политикой. Слишком часто на страницах монографии К.Пятс выглядит статистом, присоединяющимся к высказываемому Й. Лайдонером мнению.

О том, что эстонские политики не могли не осознавать зыбкости обретенной страной независимости, свидетельствует уже высказывавшаяся в 1917–1918 г. К.Пятсом идея создания федеративного эстонско-финского государства. От этой мысли в Эстонии не отказались и в конце 1918 г., когда была сформирована эстонская делегация для участия в Парижской мирной конференции. Сам Пятс, как упоминает А.Паюр, в начале 1919 г. в беседе с главой Комитета помощи Эстонии О. Лоухивуори в качестве примера для некой эстонско-финской федерации приводил Австро-Венгрию и, хотя его собеседник полагал, что подобная идея в Финляндии симпатий не вызовет, тем не менее счел уместным вторично обратиться к этой теме, получив тот же ответ (с. 219).

Поскольку основной причиной, побуждавшей Эстонию к поиску союзников, являлась для эстонских политиков угроза с востока, А.Паюр не мог обойти тему Московской конференции (декабрь 1922 г.), в которой приняли участие делегации Польши, Литвы, Латвии, Эстонии и Финляндии. Конференция, по мнению А.Паюра, «не принесла существенных результатов, поскольку приграничные государства не хотели обсуждать практическое сокращение сил, а Москва не хотела слышать о пакте о ненападении» (с. 238). Этот вывод свидетельствует лишь о том, что А.Паюр не осведомлен о целях, которые ставила советская сторона, являясь инициатором созыва конференции, и о сложившейся к открытию конференции ситуации, в силу которой Москва вообще хотела бы избежать начала ее работы (возможность создания блока лимитрофов).

Нельзя не согласиться с А.Паюром в том, что наметившееся в 1923 г. отдаление Польши и Финляндии от малых государств востока Балтики стимулировало усилия Эстонии по поиску союзников, актуализировало идею Балтийского союза, результатом чего и стали латвийско-эстонские соглашения. В мае 1923 г. министр иностранных дел в правительстве К.Пятса А.Хеллат посетил литовскую столицу (Каунас), был удовлетворен проведенными там встречами и заявил: «В настоящее время только эстонско-латвийско-литовский трехсторонний союз останется самой близкой задачей в балтийской политике» (с. 261). Как вскоре выяснилось, реализация такого союза оказалась проблематичной. Что касается внешнеполитических взглядов главы государства в то время, то отчасти их характеризовала приводимая А.Паюром оценка политики Польши Пятсом: он считал внешнюю политику Варшавы если не двусмысленной, то, по крайней мере, нестабильной и подверженной колебаниям. «Мы должны в будущем быть активными в Лондоне. Это очень важно для нас», — говорил Пятс (с. 265–266). Впрочем, по мнению эстонского историка, создается впечатление, что правительство Константина Пятса никак не могло ре-

шить, сблизаться с Польшей или Литвой, однако это утверждение оставляет читателя в неведении о мнении самого Пятса, а также не объясняет, почему на протяжении 1920-х — начала 1930-х годов предпочтение отдавалось если не развитию, то поддержанию хороших отношений и тесных политических контактов с Польшей, особенно когда дело касалось внешнеполитических инициатив СССР, и только с 1934 г., после подписания польско-германского пакта, наметилось заметное охлаждение в отношениях Варшавы и Таллина. Данное обстоятельство нашло заметное место в переписке европейских дипломатов о содержании бесед с К. Пятсом. Так, в 1936 г. Пятс говорил чешскому посланнику, что, если сами поляки не знают, с кем идти вместе, как же в таком случае Эстония может идти вместе с поляками?

Одним из наиболее актуальных вопросов эстонской внешней политики в 1920-е годы был вопрос (точнее, попытки) создания так называемого Балтийского союза. Сотрудничество с балтийскими государствами было одним из краеугольных камней внешней политики Эстонии со времен войны за независимость, а в начале 1920-х годов заключение политико-оборонительного союза уже рассматривалось как основная гарантия независимости Эстонии (с. 223). Однако, констатируя, что формирование Балтийского союза было затруднено отсутствием единодушия в политических кругах Эстонии относительно того, с какими странами заключать союз (с. 225), А. Паюр не стремится конкретизировать взгляды Пятса на создание такого союза. Можно только прийти к выводу, что в 1923 г., когда обсуждался вопрос о союзнических отношениях с Латвией, он присоединился к мнению, высказывавшемуся главой МИД Антсом Пийпом и генералом Й. Лайдонером (с. 226). Или, быть может, уклонился от высказывания собственной точки зрения? Паюр не дает ответа на этот вопрос. Возвращаясь к теме Балтийского союза в связи с визитом К. Пятса в Ригу в ноябре 1933 г. (по случаю десятилетия подписания союзнического договора 1923 г.), эстонский историк отмечает, что это был исключительно визит вежливости, итоги которого свелись к словесной трескотне газет о дружбе двух государств и прогнозах на усиление сотрудничества — «но это все, что было» (с. 430).

Реальная реанимация Большого Прибалтийского союза (или Балтийской Антанты) произошла в 1934 г. «Великая депрессия подорвала в мире доверие к Лиге Наций, — отмечает А. Паюр, — и вызвала возврат к региональным альянсам». Итогом стало подписание 12 сентября 1934 г. в Женеве Латвией, Литвой и Эстонией соглашения о создании так называемой Балтийской Антанты (с. 482). Инициатива принадлежала литовской стороне и была поддержана в Москве, поскольку сулила достижение двух целей — укрепления международного положения Литвы и гарантированной слабости создаваемого политического объединения. В данном случае следует согласиться с мнением автора, что «Кремль учитывал свои интересы, надеясь повлиять на внешнюю политику Латвии и Эстонии через Литву» (с. 482).

В Европе наступала новая эпоха. Дипломатия малых государств на востоке Балтики оказывалась в роли внешнего наблюдателя динамики событий, которую не успевали анализировать. Возможности для участия в решении возникавших внешнеполитических проблем, и ранее отличавшиеся исключительной скромностью, ссыхались, как шагреновая кожа. В силу этого замечание А. Паюра, что «затруднительно говорить, в какой мере Пятс внес вклад в решение проблем внешней политики того времени», уместно лишь в том смысле, что, «будучи главой государства, он не мог полностью дистанцироваться от вопросов внешней политики и, по

крайней мере, при общении с дипломатами и иностранными гостями не затрагивать международные проблемы» (с. 482). В намечавшейся общеевропейской драме он мог выступить только в качестве зрителя.

Логические построения А. Паюра в ряде случаев вызывают по меньшей мере недоумение и могут быть объяснимы только посредственным знанием историографии. Безусловно, в Москве не испытывали симпатий к движению воинов-освободителей (вапсов), проводя параллели с национал-социалистическим движением в Германии. Однако насколько уместным является утверждение, что благосклонность советской стороны к совершенному Пятсом и Лайдонером в феврале 1934 г. государственному перевороту была обусловлена именно этим, что и позволило тогда предотвратить нападение СССР на Эстонию? А. Паюр не замечает, что этот вывод находится в противоречии с его собственным утверждением, что Пятс использовал тезис о советской угрозе только для оправдания своих действий (с. 471).

Обращаясь к событиям 1938 г., А. Паюр характеризует Мюнхенское соглашение 29 сентября 1938 г. как «самую постыдную страницу соглашательской политики» (с. 624), а внешнюю политику Эстонии в те годы — как зашедшую в тупик: «Предпринимались попытки упрочить позиции через Лигу Наций, систему коллективной безопасности, региональный союз обороны и гарантированный нейтралитет... Отношения с Германией и Россией были мирными, но этого было недостаточно, с международным правом не считались, право на жизнь малых стран не признавалось. Поскольку Эстония не хотела отказываться ни от России, ни от Германии, оставался единственный выход — балансировать в конфликтах между этими двумя противоборствующими супердержавами, не отдавая предпочтения ни одной из них» (с. 625). Паюр отмечает, что в поисках ответа на вопрос, почему Эстония осталась перед мировой войной в одиночестве, порой ссылаются на авторитарный режим, отпугивавший возможных союзников. Однако он не склонен присоединиться к этой точке зрения, хотя и признает, что установление такого режима несколько осложнило отношения Эстонии со Швецией и Финляндией, подчеркивая, что не стоит сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что влиятельные круги Финляндии всегда хотели отдалиться от Прибалтики и сблизиться со Скандинавией (с. 625). Кроме того, в то время не существовало военной структуры, сравнимой с НАТО, а Соединенные Штаты были дистанцированы от «европейского концерта», и это, считает Паюр, также доказывает, что отсутствие союзников у Эстонии было обусловлено не ее политическим режимом, а особенностями миропорядка, международной ситуацией и наличием на Западе авторитетных политических деятелей, считавших, что независимость Латвии, Литвы и Эстонии случайна и временна. Данный вывод невольно возвращает читателя к предлагавшемуся Пятсом еще двумя десятилетиями ранее плану создания федеративного финско-эстонского государства, свидетельствовавшему об осознаваемой им зыбкости внешнеполитического положения Эстонии.

Отрицая прогерманскую ориентацию К. Пятса, считая те или иные его высказывания обусловленными требованиями дипломатического этикета (с. 629–630), А. Паюр отказывается видеть прогерманские симпатии и в среде высшего военного командования Эстонии. Осуществление военных контактов, полагает он, было вызвано не особыми симпатиями к Германии, а тем, что Россия считалась главной угрозой, которой могла быть противопоставлена только военная мощь вермахта.

При этом Германия не была забыта в качестве источника потенциальной угрозы, и по этой причине в 1939 г. — впервые — в эстонском штабе был составлен еще один вариант оборонительного плана на случай нападения Германии (с. 631). В связи с этим интерес представляет оценка внешнеполитической ориентации Эстонии политическими противниками Пятса, приводимая А. Паюром. Сын давнего оппонента Пятса Яана Тыниссона Ильмар Тыниссон, находившийся тогда в Лондоне, полагал, что сложившаяся в мире ситуация делает нейтралитет Эстонии бесполезным, необходим выбор — либо присоединиться к государствам Оси, либо встать на сторону их противников. Заключение германо-эстонского пакта о ненападении Ильмар Тыниссон считал глупым шагом, удивляясь, что слепой страх перед Россией настолько силен, что пасть другого хищника оказывается более предпочтительной (с. 645). Константин Пятс пренебрег возражениями оппозиции в отношении подписания пакта с Германией и поставил 22 июня 1939 г. свою подпись под договором.

Подписание два месяца спустя советско-германского пакта произвело в Эстонии эффект разорвавшейся бомбы. По мнению Паюра, пакт знаменовал отказ Кремля от политики маневрирования между демократическими и тоталитарными государствами (с. 659). Растерянность высшего политического руководства Эстонии в связи с происшедшим лучше всего показывает отказ министра иностранных дел, главы правительства и главнокомандующего от публичной оценки пакта Молотова–Риббентропа (с. 662).

Довольно подробно А. Паюр описал переговоры в Москве 24–25 сентября 1939 г. между главой эстонского МИД Сельтером и В. М. Молотовым, отвергая намеки некоторых исследователей (в частности, Магнуса Ильмгьярва) на то, что Сельтер заранее знал, что его ждет в Москве. «В Таллине, вероятно, надеялись, что министр иностранных дел сможет получить некоторую информацию о намерениях Москвы во время визита, но нет никаких доказательств того, что правительство и министр иностранных дел уже заранее знали, что скажут в Кремле» (с. 677). «Хотя полная информация о деталях встречи недоступна, — пишет Паюр, — в главном нет никаких сомнений. Начнем с того, что Молотов объявил: эстонско-российские экономические отношения в порядке, но не политические». Намекая в последнем случае на эпизод с польской подводной лодкой «Орел», успевшей укрыться в таллинском порту, «Молотов потребовал, чтобы Эстония заключила соглашение о военном союзе с Россией, то есть пакт о взаимопомощи, который дал бы Кремлю право создавать военно-морские и воздушные базы в Эстонии», добавил: «Пожалуйста, не заставляйте нас применять силу против Эстонии. <...> Если вы не согласны с нашим предложением, Советский Союз обеспечит свою безопасность другим способом в соответствии со своей волей, даже без согласия Эстонии» (с. 678).

Вернувшийся 25 сентября в Таллин прежде уравновешенный и хладнокровный Сельтер, по словам дипломата Александра Вармы, проявил признаки паники, так как, прибыв в министерство, сразу отдал распоряжение своему секретарю: получить иностранные визы западноевропейских государств для себя и своей жены. В частном разговоре с высокопоставленными чиновниками министерства он заявил, что через несколько недель ведущая интеллигенция, которая останется в Эстонии, вероятно, будет убита, поэтому будет разумнее оформить паспорта

сейчас и для всех, кто может выехать за границу. Вечером в президентском дворце Кадриорг состоялось продолжительное обсуждение советских требований, в котором помимо Пятса приняли участие глава правительства Ээнпалу, Сельтер, посол Эстонии в Москве Рей и некоторые другие лица (с. 679). На следующий день Сельтер, фактически получивший от немецкого посланника намек, что Германия не станет вмешиваться, принял участие в расширенном совещании правительства с участием Пятса. Как и в большинстве случаев, читатель познакомится с мнением Сельтера, Лайдонера и некоторых других, но не главы государства (с. 681, 683–690). Можно только узнать, что подписание 28 сентября советско-эстонского договора в Москве было крайне тяжело воспринято Пятсом. Когда перед выступлением по радио перед гражданами Эстонии Пятса спросили, есть ли у него какие-нибудь пожелания, тот, тяжело вздохнув, ответил: «Какие еще пожелания у меня сейчас?!» (с. 691). А. Паюр подчеркивает, что о том, что думал или чувствовал в то время Пятс, можно догадываться, опираясь только на слова начальника президентской канцелярии Эльмара Тамбека: «...президент почти каждый раз возвращался к вопросу: “Правильно ли я поступил, не объявив войну русским? <...> Что было бы правильнее и выгоднее эстонскому народу — погибнуть сразу или подождать и (возможно) пострадать? Понятно, что русские жарили нас в нашем собственном жире <...> Но время позволяет нам всем успокаиваться <...> Разрушенные <...> города, фабрики, фермы — вся земля была бы пеплом и пылью <...> Мужчины бы пали, а женщины и дети в Сибири <...> Мы должны затягивать, выигрывать время, ждать”» (с. 698–699). Отсутствие Дельфийского оракула вынуждало довольствоваться предположениями, считает А. Паюр.

Тесное общение Пятса с российским полпредством и торгпредством в 1920–1930-х годах, по словам А. Паюра, соблазняло некоторых исследователей и журналистов усматривать за этим тайные связи с кремлевскими правителями и обвинять Пятса в том, что он попал под влияние Москвы, а иногда даже намекать на измену, объясняя ею поведение Пятса в 1939–1940 гг. Паюр считает, однако, что следует согласиться с Яаком Валге, который убедительно отвергает далекоидущие обвинения (с. 799).

Безусловно, вышедшая из-под пера Аго Паюра биография Константина Пятса исключительно интересна, однако сфера его собственных исследовательских интересов — внутренняя политика Эстонии, что же касается внешней политики, то ему пришлось довольствоваться относительно скромной эстонской историографией по разным ее аспектам (за исключением узкого периода 1939–1940 гг.) и ограниченным числом источников.

Статья поступила в редакцию 10 августа 2020 года
Статья рекомендована к печати 15 сентября 2020 года

Контактная информация:

Рупасов Александр Иванович — д-р ист. наук, вед. науч. сотр.; rupasov_ai@mail.ru

Konstantin Päts and Estonia's foreign policy in interwar period*

A. I. Rupasov

St. Petersburg Institute of history, Russian Academy of Sciences,
7, Petrozavodskaya ul., St. Petersburg, 197110, Russian Federation;
Finnish Historical Society,
6, Kirkkokatu, Tieteiden talo, Helsinki, 00170, Finland

For citation: Rupasov A. I. Konstantin Päts and Estonia's foreign policy in interwar period. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, 2020, vol. 13, issue 4, pp. 540–546.
<https://doi.org/10.21638/spbu06.2020.409> (In Russian)

Received: August 10, 2020

Accepted: September 15, 2020

Author's information:

Aleksandr I. Rupasov — Dr. Sci. in History, Leading Research Fellow; rupasov_ai@mail.ru

* Review of the book: Pajur, A. (2018), *Konstantin Päts. Poliitiline biograafia. II osa: riigimees (1917–1956)*. Tartu: Rahvusarhiiv. 878 L.